

Это шоу не предполагало никаких соревнований — основной упор делался на путешествия, три приёма пищи в день и местные развлечения.

Раз в заголовке значилось «малыши», биологические ритмы детей, разумеется, соблюдались свято.

Правда, взрослых всё равно будили пораньше, чтобы те готовили завтрак детям.

Когда Тан Мянью проснулся и пошёл умываться, он обнаружил отца Тан Юэ во дворе — тот тоже умывался.

Хотя поведение родного папы трудно было назвать именно умыванием: он целиком погрузил лицо в таз с чистой водой, будто тренировался перед секретным заданием подводного диверсанта.

Мальчик потянул отца за край рубашки и тихонько позвал:

— Папа...

Тан Юэ чуть не захлебнулся, резко вскинул голову и обернулся — лицо его было мокрым до капельки.

«Мой внук такой милый! Ууу... даже животик у него прелестный!»

«Да ладно тебе! У Сяомье и животика-то нет!»

«Я уже исцелён! Оказывается, высокая внешность действительно способна поднять настроение!»

«Никому не интересно, что Тан Юэ уже десять минут в депрессии».

«Со стороны кажется, будто он готовится вступить в сборную по плаванию».

— Пап, ты очень устал? — спросил Тан Мянью.

— Нет, просто умываюсь, — ответил Тан Юэ.

Его лицо до сих пор горело.

Ощущение, будто он лежал на груди Цзян Шулуя, не покидало его — воспоминания о той ночи, которые он старался вытеснить, теперь возвращались с новой силой, словно их кто-то намеренно перерисовывал заново. От этого Тан Юэ едва не бросился бежать.

Услышав многозначительное «маленький проказник» от Цзян Шулуя, он резко сбросил одеяло и выпрыгнул из кровати.

Неизвестно, где именно организаторы шоу сняли этот дом — кроме того, что он был примитивен, ещё и кровать оказалась сомнительного качества. Она явно не рассчитана была на такие прыжки.

«Хрясь!» — раздался звонкий хруст, и одна из реек у изголовья явно сломалась. Звук был столь отчётливым и неловким, что Тан Юэ почувствовал ещё большую боль — уже моральную.

Утром все горячие темы в соцсетях были связаны исключительно с этим шоу:

#ТанЮэЦзянШулуй_кроватьпровалилась

#Почемутакс младшимучленом

#Удругихпадаютдома_аунихкровати

#Смотри_какмиллиардерчиниткроватьонлайн

В этот момент Тан Мянъ услышал стук внутри дома. Он заглянул внутрь и увидел там Яо Лисиня.

— Сяомье, хочешь умыться? — окликнул его Тан Юэ. — Я выдавлю тебе зубную пасту.

— Я сам могу, я уже взрослый, — ответил мальчик.

С таким мягким, милым личиком подобные слова звучали особенно забавно — Тан Юэ не удержался и улыбнулся.

Мальчик протянул руку и дотронулся до щеки отца:

— Вау! Пап, у тебя лицо горячее! Ты что, пил?

— Нет, — покачал головой Тан Юэ.

— А отчего тогда?

Тан Юэ снова не знал, что ответить, и вновь опустил лицо в таз, словно пытаясь охладиться.

«Ха-ха-ха! Большая милашка и маленькая милашка!»

«Это шоу меня убьёт! Кровать провалилась — точно не по сценарию, правда?!»

«Я всегда представлял Цзян Шулуя как финансового магната, указывающего судьбами мира... а теперь он с молотком чинит кровать!»

«Прямо как деревенский парень, который в первую брачную ночь переборщил...»

«Яо Лисинь ещё и издевается! Совсем не помогает! У этой группы вообще есть командный дух?»

«Тан Юэ, не надо стесняться! Мы же понимаем, что кровать сломалась не по той причине!»

Тан Мянью не стал больше обращать внимания на отца, который пузырьки выпускал в тазу.

Под бесконечным потоком комментариев «милый!» в прямом эфире мальчик сам закончил утренний туалет и потянул за руку Яо Сюаньюй, которая чистила зубы, чтобы пойти посмотреть на двух других взрослых.

«Только у меня в голове до сих пор та картина, которую я увидела, открыв стрим утром? Ууу... сделала скриншот, добавила надпись и отправила подруге: “Какой фильм?”»

«Кто раньше говорил, что Цзян Шулуй не умеет любить? В тот момент взгляд... мне показалось, будто он его обожает».

«Фанаты ведь сами раскрутили капитана до уровня ниспосланного бога, да и слухов-то почти не было, так что...»

«А мне кажется, Цзян Шулуй — тот, кого нужно спасать (звучит пафосно, но именно так!)».

Яо Лисинь издал возглас:

— Капитан, ну ты чего? Тебя попросили присмотреть за Тан Юэ, а не сломать кровать!

Организаторы даже добавили ему в постпродакшене специальную метку «Наслаждается зрелищем», и его насмешливый вид в кадре вызвал у зрителей чувство жгучей злорадной радости.

На экране матрас уже отодвинули в сторону — и всем было видно, как прогнулась доска кровати.

Цзян Шулуй вытащил сломанную рейку и бросил прямо к ногам Яо Лисиня.

Глухой звук.

Тот инстинктивно отступил на шаг.

Цзян Шулуй усмехнулся:

— Это не я её сломал.

Он всё ещё был в пижаме. Шторы в спальне были раскрыты — за окном виднелась дорожка деревни, мимо проходила овечка.

Раньше у окна даже стояла жёлтая собака и смотрела внутрь.

Сами участники шоу особо не реагировали, зато в чате зрители в один голос восклицали: «Как же тут экологично!»

«Капитан намекает на Тан Юэ!»

«Ууу... лицо Цзян Шулуя — не зря же его когда-то выбрали лучшим среди лидеров! Так сложно описать...»

«Так что же всё-таки произошло? Это то, о чём я думаю?»

«Очень хочется знать, что там было под одеялом! Тан Юэ так панически сбежал и ещё и доску сломал!»

«Тан Юэ выглядит худощавым, а силёнок-то!»

«Он вообще такой — внешне мягкий, а внутри упрямый котёнок. Очень медленно раскрывается, но в играх даже царапаться готов, лишь бы не проиграть».

— Организаторы ещё и завтрак велели готовить, — вздохнул Яо Лисинь. — Это же ужас!

— Тогда чего ты тут стоишь? — парировал Цзян Шулуй и, повернувшись к съёмочной группе, спросил: — Можно новую доску для кровати?

«Невероятно: миллиардер в просьбе о доске для кровати».

«А в это время маленькая милашка решительно переступает порог».

В следующее мгновение Цзян Шулуй улыбнулся и раскрыл объятия — Тан Мянью весело запрыгал к нему:

— Доброе утро!

Даже в присевшем положении мужчина казался огромным, и ребёнок в его руках выглядел особенно трогательно.

— Маленький Юэ тебе помешал? — спросил мальчик.

На нём была одежда, почти идентичная вчерашней —

мягкий желтоватый флисовый свитшот. Зрители невольно подумали, что Тан Юэ, вероятно, просто купил всю коллекцию, чтобы не заморачиваться.

Это напомнило фанатам интервью группы, где Люй Сичао как раз так и подшучивал над Тан

Юэ.

«Кто здесь вообще отец?!»

«Тан Юэ наконец-то вылез из своего таза!»

«Ему же всего-то лет двадцать с небольшим! Как я могу принять это?! Ууу...»

«Цзян Шулуй — вот настоящий папа! Прямо образцовый человек: во всём идеален, как соседский ребёнок».

«Только мне кажется, что Цзян Шулуй слишком наигран?»

«У него и вправду нет никакой искренности... слишком совершенен, потому и пустоват...»

— Нет, просто утром немного поторопился, — ответил Цзян Шулуй.

Едва он договорил, как малыш протянул руки и обхватил его лицо:

— Дядя Цзян, а у тебя что, поранились?

«Я тоже хочу спросить...»

«Яо Лисинь же уже спрашивал!»

— Комар укусил, — сказал Цзян Шулуй.

— Не может быть! — возмутился Тан Мянью. — Может, мой папа тебя ударил?!

Мальчик говорил с таким негодованием, что стоявший рядом Яо Лисинь не удержался и фыркнул.

— Конечно нет, — мягко возразил Цзян Шулуй.

Но Тан Мянью, похоже, и сам не слишком верил в свои слова — в следующее мгновение он уже весело заявил:

— Да и не смог бы мой папа тебя ударить! Ты же сильнее!

«Как так можно — троллить собственного отца?!»

«Это возмутительно!»

«Ха-ха-ха! Да чем он вообще будет бить? Посмотрите на комплекцию Тан Юэ!»

— Умылся уже? — спросил Цзян Шулуй. — А твой папа где?

Едва он произнёс эти слова, как Яо Сюаньюй ответила:

— Дядя Тан Юэ всё ещё лицо в тазу держит.

Яо Лисинь выглянул наружу — как раз в этот момент Тан Юэ вытирал лицо и случайно встретился взглядом с Цзян Шулуем.

Будто обжёгшись, он тут же отвёл глаза.

Яо Лисинь посмотрел сначала на Тан Юэ во дворе, потом на Цзян Шулуя, и наконец перевёл взгляд на сломанную кровать.

— О-о-о... — протянул он с длинными волосами. — Вы уж слишком горячи!

— Какое горячее? — не понял Яо Сюаньюй.

— Это значит, что пламя горит очень сильно, — пояснил Тан Мянью.

Цзян Шулуй... промолчал.

«Как Тан Юэ вообще родил такого ребёнка? Слишком умный!»

«Умираю! Так вообще можно использовать это выражение?!»

«Яо Лисинь обожает подливать масла в огонь!»

«Цзян Шулуй точно не “старый дом, вдруг вспыхнувший” — даже если между ними что-то есть, они всё равно юные супруги!»

«Это на губе у Цзян Шулуя — то, о чём я думаю? Очень хочу, чтобы было... но и боюсь, что да...»

Тан Юэ после умывания даже не зашёл обратно в дом — под напором организаторов отправился готовить завтрак.

Кухня в этом домике была старомодной: чтобы сварить кашу, нужно было разжигать печь. Зрители были в шоке.

Все думали, что бывший «малыш-любимчик» группы, которого всегда оберегали, ничего не умеет, — но Тан Юэ работал удивительно ловко.

Открытие крышки, разжигание огня — каждое движение было приятно глазу.

Даже промывание риса производилось с точностью до миллиметра.

Правда, с огнём он не справился: то вода выкипала через край, и он начинал визжать «ууу-ааа!», то бросался уменьшать пламя, вытаскивая дрова.

Было ещё рано — даже не то время, когда большинство отправляется на работу.

Над этим юго-западным посёлком медленно поднимался дымок от очагов.

Тан Юэ, опершись подбородком на ладонь, смотрел на огонь. С виду — сосредоточенный, на деле — совершенно рассеянный.

«Лучше tonight не спать с Шулуй-гэ... Кажется, он плохо выспался».

«Сяомье... как же так? Нашёл новых друзей — и папу забыл».

«Как теперь кровать чинить?»

«Может, нехорошо, что я тут один прячусь?»

Зрители не знали, о чём думает Тан Юэ, но отмечали безупречную композицию кадра: даже эта деревенская глушь смотрелась как кинолента.

Лицо бывшей звезды первой величины, младшего участника легендарной группы, не утратило былого блеска — даже в задумчивости он заставлял смотреть на себя снова и снова.

Жаль только, что он не замечает, как каша вытекает через край...

«Когда он дрова собирал и огонь разжигал — всё так гладко шло... А теперь вот».

«О чём он задумался? Щёки даже покраснели».

«Да просто дымом надышался».

«Видимо, такие “живые” шоу — не так-то просто вести».

Яо Лисинь утром увёл детей на зарядку.

Тан Мянью никогда раньше такого не пробовал — ему было невероятно интересно, и он прыгал по двору, как резиновый мячик.

Цзян Шулю не дали новой доски — организаторы сказали, что он может купить её сам сегодня днём в городе.

Если бы Цзян Шулуй не знал, как именно сломалась кровать, он бы заподозрил в этом ловушку

продюсеров.

Выходя из комнаты, он как раз увидел, как Тан Юэ в кухне в панике срывает крышку с кастрюли — наконец-то заметил, что каша выкипает.

Тан Мян, наблюдавший за отцовской «кулинарией» из двора, не выдержал и ворвался внутрь, чтобы взять ситуацию под контроль.

Цзян Шулуй, стоя снаружи, слышал, как мальчик наставляет отца:

— Пап, я же говорил — не надо лить столько воды при промывке риса! Ты каждый раз забываешь!

— Яйца уже можно вынимать! Прошу тебя, Сяо Юэ, покатай их в кипятке!

— Это соседняя бабушка подарила? Выглядит вкусно!

Картина получилась удивительно гармоничной: высокий, статный мужчина стоит во дворе и смотрит в открытую дверь кухни — в одном кадре умещаются сразу трое.

Первые лучи солнца только начали переливаться над горизонтом, окрашивая начало нового долгого дня.

Свет мягко очерчивал черты лица Цзян Шулуя — будто специально созданный для него. И казалось, что и взрослый, и ребёнок в его поле зрения находятся под его заботой.

— На что смотришь? Не пойдёшь помочь? — спросил Яо Лисинь.

— А ты почему не помогаешь? — усмехнулся Цзян Шулуй, явно в хорошем настроении. — Разве дома не твоя жена готовит? Так нельзя!

— Не клевети! Я сейчас с детьми! — возмутился Яо Лисинь и, кивнув подбородком в сторону кухни, добавил: — Тан Юэ даже кашу варить не умеет без наставлений ребёнка. Похоже, Тан Мян пошёл в тебя — с детства разумный.

Цзян Шулуй всё больше чувствовал, что в этих словах скрыт какой-то подтекст.

Но Яо Лисинь, похоже, не собирался раскрывать карты — лишь многозначительно усмехнулся и дерзко толкнул капитана локтем.

— У тебя же, помнится, есть сертификат повара? Иди, стань нашим поваром! Боюсь, Тан Юэ приготовит такую пресную еду, что у меня язык высохнет!

На кухне Тан Мянй стоял на табуретке у печи и командовал отцом, как разливать кашу. Но табуретка шаталась, и Тан Юэ тут же снял сына на пол.

— Я и сам справлюсь! Иди, Сяомье, поиграй на улице.

Мальчик тяжело вздохнул, как будто несёт на плечах весь мир:

— Сяо Юэ... тебе было так, так, так непросто меня растить!

Говорил он так забавно, что всем хотелось смеяться.

Тан Юэ тоже не устоял перед такой прелестью — обнял сына и крепко чмокнул в щёчку.

Щёчки Тан Мянй тут же залились румянцем:

— Че-чего ты вдруг?! Пап... я же...

«Ааа, как мило!»

«Оказывается, даже “маленькие взрослые” могут краснеть!»

— Мне так повезло, что у меня есть Сяомье! — воскликнул Тан Юэ.

— Мне ещё долго расти... — проворчал мальчик. — Сяо Юэ, тебе лучше найти кого-нибудь, кто будет за тобой присматривать. Ты ведь такой растяпа!

«Впервые вижу, чтобы пятилетний ребёнок сватал отца!»

«Искать не надо — прямо у двери отличный кандидат!»

Тан Юэ и Тан Мянй явно ладили. Зрителям было забавно наблюдать за ребёнком, а за взрослым — странно: он совсем не соответствовал стереотипному образу «отца».

Скорее, это была картина старшего и младшего братьев.

— Сяомье может обо мне позаботиться, — сказал Тан Юэ, опускаясь на корточки перед сыном.

Без макияжа его лицо сохраняло ту чистоту, о которой часто писали фанаты: будто он вне времени и пространства.

Даже в самом шумном концертном зале Тан Юэ казался таким, будто вот-вот растворится в воздухе.

Это пробуждало в людях жажду обладания — желание любой ценой удержать его рядом.

— Я ещё ниже тебя! Как я могу тебя защищать? Лучше тебе выйти замуж! — заявил Тан Мян с обидой. — Вот если бы я вырос таким, как дядя Цзян — высоким и красивым! Тогда бы точно мог защищать Сяо Юэ!

«Сяомье, ты уже выбрал второго папу?»

«Выходит, это туристическая версия “Если ты не против”?»

«Пятилетний ребёнок уже умеет сватать пары!»

Тан Юэ уже собрался что-то сказать, как в дверной проём упало чья-то тень.

Цзян Шулуй, прислонившись к косяку, улыбался, наблюдая за отцом и сыном. Очевидно, он всё слышал.

— Почему именно я? — спросил он у Тан Мян.

Тан Юэ потянул сына за рукав, надеясь, что тот помолчит, но ребёнок был неисправим — и даже начал применять идиомы не по назначению:

— Потому что дядя Цзян и папа знакомы много-много лет! Вы друг друга ****до корней и основ**** знаете!

Лицо Тан Юэ мгновенно вспыхнуло.

«Что за... “до корней и основ”?!»

<http://bllate.org/book/16057/1438920>